



Covenant & Conversation

Jonathan Sacks
THE RABBI SACKS LEGACY

БЕСЕДЫ О НЕДЕЛЬНЫХ ГЛАВАХ ТОРЫ

НА ОСНОВЕ НАСТАВЛЕНИЙ И СТАТЕЙ

РАББИ ЛОРДА ДЖОНАТАНА САКСА, ДА БУДЕТ БЛАГОСЛОВЕННА ПАМЯТЬ О ПРАВЕДНИКЕ

Благодарим семью Шиммель за щедрую спонсорскую поддержку цикла Covenant & Conversation, посвященного памяти Гарри (Хаима) Шиммеля. «Я влюбился в Тору рабби Хаима Шиммеля, едва она впервые попала мне в руки. Ее цель - поведать не только о той истине, которая лежит на поверхности, но и о ее взаимосвязи с более глубокой, заветной истиной. Он и его замечательная жена Анна, прожившие вместе 60 лет, вместе построили жизнь, которая была посвящена любви - любви к семье, к общине и к Торе. Эта необыкновенная супружеская пара неизмеримо растрогала меня, подавая пример того, как нужно жить.» - Рабби Сакс

ВАЭРА

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО СВЕТЛАНЫ СИЛАКОВОЙ

О вшах и людях

По всей земле Египетской пыль превратилась во вшей. Жрецы попытались заколдовать вшей своими тайными чарами, но на сей раз не смогли воспроизвести знамение. Вши кусали людей и домашний скот без разбору. Жрецы сказали фараону: «Это перст Б-жий». Но сердце фараона ожесточилось, и он их не послушал.

Тема юмора в Торе незаслуженно обойдена вниманием. Между тем его важнейшая разновидность—сатира на спесивых людей, возомнивших, что могут подражать Б-гу. Единственное, что смешит Б-га,—попытки человечества взбунтоваться против Небес:

*Земные цари собираются,
и вельможи держат совет против Г-спода и помазанника Его:*

«Сбросим поводья и сорвем с себя сбрую!..»

На Небесах восседающий усмехается;

Г-сподь смеется над ними¹.

ТЕИЛИМ, 2:2–4

Прекрасный пример—история о Вавилонской башне. Жители равнины Синар решают построить город с башней «до небес». Эта затея—вызов Б-гом данному порядку природного мира («Небеса [принадлежат] Г-споду, землю же отдал Он сынам

человеческим»²). Далее в Торе говорится: «Г-сподь сошел посмотреть на город с башней...»

Там внизу, на земле, строители полагали, что их башня вознесется до небес. Но сверху, с небес, она выглядела такой крохотной, что Б-гу пришлось «сойти», чтобы ее рассмотреть.

Смысл как минимум некоторых казней египетских останется темным, если не учесть, что мы имеем дело с сатирой. Египтяне поклонялись множеству божеств, олицетворявших по большей части силы природы. Жрецы верили, что посредством «тайных чар» могут управлять этими силами. В эру мифологического мышления магия—аналог технологий в эру науки. А цивилизация, уверенная в своей способности манипулировать божествами, точно так же уверена, что заставит плясать под свою дудку и людей. Такие культуры вообще не знают понятия «свобода».

Казни египетские были призваны не только проучить фараона и его народ за жестокое обращение с сынами Израиля, но и указать египтянам на бессилие почитаемых ими божеств («Над всеми египетскими богами совершу Я суд. Я—Г-сподь!», Шмот, 12:12).

Это проясняет смысл первой и девятой казней (девятая предшествовала десятой, гибели первенцев). Первая казнь коснулась Нила. Девятая казнь выражалась в том, что

¹ Книга Псалмов [Теилим]. М.: Книжники; Лехаим; F.R.E.E., 2016. С. 15. — Примеч. перев.

² Теилим, 115:16. Цит. по: там же. С. 155. — Примеч. перев.

настала густая тьма. Нилу поклонялись как источнику плодородия в регионе с пустынным ландшафтом. А солнце считалось величайшим божеством, Ра, тем самым, чьим сыном считался фараон. Тьма—это солнечное затмение, знак, что даже величайшие божества Египта беспомощны перед лицом истинного Б-га.

Суть этого противоборства—в разнице между мифологическим мышлением (для которого божества—лишь силы, которые следует укрощать, улещивать или подчинять манипуляциями) и библейским монотеизмом, в понимании которого Б-г и человечество вступают в контакт в области этики (таких ценностей, как справедливость, сострадание, человеческое достоинство).

Вот ключ к смыслу первой и второй казней. Они отсылают к началу гонений на сынов Израиля, когда египтяне повелели убивать всех новорожденных мальчиков. Вначале приказ отдали повитухам Шифре и Пуе (впрочем, план сорвался из-за их совестливости), а затем распорядились бросать младенцев в Нил, чтобы они тонули. Вот почему первая казнь состояла в том, что воды реки превратились в кровь. Что касается второй казни—нашествия лягушек, то о ее смысле египтяне должны были догадаться моментально. Богиня в образе лягушки, Хекат, олицетворяла повитуху, помощницу рожениц. Обе казни—зашифрованные обращения: «Если то, что в норме ассоциируется с жизнью,—река и повитухи,—становится для вас орудиями смерти, те же силы ополчатся против вас». Это подводит к чрезвычайно важной мысли: этика—костяк действительности. Если применять силы природы во зло, они ополчатся против человека, и все плохое, что он сделал другим, обрушится в свой черед на него самого. История творит справедливый суд.

Как же реагируют египтяне на первую и вторую казни? Они встраивают их в свою картину мира. Для них казни—не чудеса, а вид колдовства. Жрецы фараона уверены, что Моше и Аарон—их коллеги, такие же мастера «тайных чар». Поэтому они «воспроизводят» их знамения: демонстрируют, что тоже могут обращать воду в кровь и призывать полчища лягушек.

Затаенная ирония почти выходит на поверхность. Египетские жрецы, рьяно доказывая, что им под силу повторить все

деяния Моше и Аарона, даже не догадываются, что делают египтянам только хуже: все больше крови в реке, все больше лягушек вокруг.

Тут мы подходим к третьей казни—нашествию вшей. Она должна произвести такой эффект, которого жрецы воспроизвести не смогут. Жрецы пробуют заколдовать вшей—но терпят неудачу. И немедля делают вывод: «Это перст Б-жий».

Так в Торе впервые появляется концепция, на удивление живучая в религиозном мышлении и доныне,—идея «бога белых пятен». Согласно этой концепции, чудо—всего лишь явление, которому мы пока не можем найти научного объяснения. Наука, дескать, познает естественный мир, природу, а религия—сверхъестественное. «Деянием Б-га» считается все, чего мы не можем объяснить рационально. Любое явление, которое не под силу воспроизвести жрецам (или ученым и техникам), непременно должно быть результатом Б-жественного вмешательства. Это неизбежно подталкивает к выводу, что религия и наука несовместимы. Чем больше явлений мы можем объяснить научно или подчинить себе с помощью технических средств, тем меньше мы нуждаемся в вере. Чем шире применение науки, тем дальше на обочину она оттесняет Б-га, пока для Него вообще не остается места.

Здесь Тора намекает, что это подход идолопоклонников, а никак не еврейский. Египтяне признали Моше и Аарона настоящими пророками только после того, как те сотворили чудеса, неподвластные египетской магии. Но мы верим в авторитет Моше и Аарона вовсе не поэтому. Маймонид внятно разъяснил: «Евреи доверились учителю нашему Моше не из-за чудес, которые он совершил. Ибо у того, кто верует на основании чудес, остаются сомнения, так как эти чудеса могут быть вызваны волшебством или чародейством. Наш учитель Моше все чудеса в пустыне совершил по необходимости, а не для доказательства истинности своего пророчества... Понадобилась евреям пища—сделал так, чтобы выпадал ман, страдали евреи от жажды—добыл воду из камня, восстала против него община Кораха—поглотила их земля. То же самое касается остальных чудес. Что же заставило довериться ему?—Синайское откровение. Ибо мы <...> видели собственными глазами <...> мы <...>

собственными ушами слышали»³ (Фундаментальные законы Торы, 8:1).

Б-г открывается нам в основном не в чудесах, а в Своем слове, то есть в откровении, Торе, которая представляет собой конституцию еврейского народа как нации под верховной властью Б-га. Конечно, Б-г присутствует в событиях, которые, казалось бы, противоречат законам природы, и потому мы их называем чудесами. Но Он присутствует и в природе как таковой. Наука не вытесняет Б-га, а все тоньше и удивительнее вскрывает Его замысел, стоящий за природой. Наука (если понимать ее правильно) не только не ослабляет наше религиозное чувство, но должна даже его укреплять, помогая нам увидеть, «как возвышенны дела Твои, Г-споди, как глубоки замыслы Твои!»⁴. Искать Б-га следует главным образом в Голосе, который слышался с горы Синай,—Голосе, который учил нас строить общество, ничем не похожее на египетское, общество, где кучка господ не станет поработать большинство, где с переселенцами не станут обходиться жестоко.

Лучший довод против древнеегипетского образа мысли—юмор Б-га. Языческие жрецы, мнившие, что им подвластны солнце и Нил,

обнаружили, что не в силах заколдовать даже вошь. Фараоны типа Рамзеса II демонстрировали свой богоподобный статус, возводя монументальные здания: величественные храмы, дворцы и пирамиды, которые, казалось бы, свидетельствовали своей необъятностью о могуществе божеств (Гемара поясняет, что на очень маленькие предметы и существа египетская магия не действовала). Б-г насмехается над египтянами, являя Свое присутствие через нашествие мельчайших насекомых: «Я покажу вам ужас в пригоршне пыли»⁵ (Т. С. Элиот).

Египетские жрецы (и их современные последователи) не понимали, что власть над природой—не самоцель, а лишь средство достижения нравственных целей.

Нашествие вшей—шутка Б-га над жрецами, над их уверенностью, что власть над силами природы делает их властелинами людских судеб. Жрецы заблуждались. Вера в сверхъестественное—это еще не вся вера. Вера—это способность услышать призыв Творца всего Сущего: «Будьте свободными людьми, в то же время уважая свободу и достоинство других».

³ Рабби Моше бен Маймон. Мишне Тора (Кодекс Маймонида). Книга «Знание». М.: Книжники; Лехаим, 2010. С. 233–234. — Примеч. перев.

⁴ Теилим, 92:6. Книга Псалмов [Теилим]. С. 127. — Примеч. перев.

⁵ Строка из поэмы «Бесплодная земля». В ее общеизвестных русских переводах «dust» обычно передают как «прах»; например, у Андрея Сергеева: «в пригоршне праха». — Примеч. перев.